

т. е. прямым дополнением к глаголу „бѣша“. Глагол этот мало подходил при прежнем делении на два предложения и совсем не подходит, не имеет смысла в слитном предложении. Остается думать, что в этом слове кроется какая-то ошибка. Всего проще предположить, что вместо „бѣша“ первоначально стояло „биша“. Это вполне закономерная ошибка: установлено, что рукопись Мусина-Пушкина имела ряд новгородско-псковских особенностей, в том числе замену *ѣ* на *и*, которая не нарушает смысла в таком случае, как „дѣвица“ — „дивица“; следующий писец легко узнавал слово и мог восстановить правильное написание. Но в данном случае замена буквы *и* буквой *ѣ* коренным образом меняла самое значение слова и подставляла глагол „быть“ вместо „бить“; поэтому обратное восстановление правильного чтения было невозможно. Замена одной только буквы возвращает смысл фразе: „врани биша дебрьски сани“.¹ В написании „несошло“ давно видели ошибку и исправляли как „несоша я“ и „несошася“.² Теперь, когда для нас ясно, что „дебрьски сани“ — прямое дополнение, становится очевидным, что здесь правильнее предполагать чтение: „несоша я“ — „их“, т. е. змей; стершееся или спешно написанное *а* можно принять за *л*, иотованное *а* — за *ю*. Следовательно: „священные вороны всю ночь с вечера каркали у Плесенка на болони, били змей и носили их к синему морю“. Это объясняет, почему карканье вóронов раздавалось всю ночь — они сражались со змеями!

С востока русским княжествам грозили кочевники, на юго-западе вставала другая опасность — поляки и венгры. Город Плесенск был, повидимому, каким-то важным стратегическим пунктом на границе между Галицким и Волынским княжествами. Поэтому он и включен в сон Святослава. Сон этот в символах, живших в народе, предвещал недоброе: кровля без князя (конька) — потеря родных; жемчуг — слезы; кровать с черным покровом или вино с отравой — печаль, может быть болезнь. И виновники этого горя — кочевники — из их пустых колчанов осыпают Святослава жемчугом. А на другом конце русской земли, в Галицком княжестве, поднимаются другие враги, ведь змеи — символ измены, коварства и вражды. И священные вóроны, сопутствующие каждой битве, борются с этими врагами, избивают их и уносят к морю. Мы не будем гадать, кто били эти змеи — венгры или галицкие бояре, к которым относится знаменитое изречение князя Романа Мстиславича: „не передавивши пчел, меду не есть“. Достаточно вспомнить, что Владимир Галицкий, изгнанный отцом, был братом Ефросинии Ярославны и шурином Игоря. Уже в силу родственных связей, не говоря о причинах политического характера, галицкие дела должны были интересовать черниговских князей (Ольговичей) и их окружение.³

Смысл этого места „Слова о полку Игореве“ раскрывался медленно, шаг за шагом, начиная с 1800 года. И всякое правильно найденное объяснение облегчало дальнейший шаг. На этом отрывке были применены все допустимые приемы исправления, о которых говорилось выше, во вступлении: новое деление текста на слова и фразы, вставка

¹ Подлежащее — вóроны; прямое дополнение — змеи; что могли делать вóроны со змеями? Написание „бѣша“ вместо „биша“ могло появиться тогда, когда было забыто старое значение слова „сани“ (-змеи), и фраза „биша дебрьски сани“ стала в силу этого непонятной.

² В. Макушев, ЖМНП, № 2, 1867, стр. 455.

³ Сыновья Игоря погибли позднее в борьбе с галицким боярством (Полное собрание русских летописей, т. II. Ипатьевская летопись. 1208 год).